
Виктор Могильников

АМУРСКАЯ ВЕСНА

Синеет небо вылинявшим ситцем,
Мерцает тускло первая звезда.
В березняке от ветра шевелится
Солома старого сорочьего гнезда.
Ушла зима, как все уходят зимы.
Растаял снег.
И где-то далеко
Весенний пал клубится белым дымом,
Как будто льет на степи молоко.
Апрельский луг цветами не украшен,
Степная ширь еще не зелена.
Но блещет луг в душистой смоли пашен,
Где хлынет дождь отборного зерна.
И хлебобоб, влюбленный в ширь Амура,
В тропинки узкие, что степью пролегли,
Всегда такой неласковый и хмурый,
С улыбкой мнет в руках комок земли.

ВЕСНА НА ЮГЕ

Н. Фотьев

...А теперь вот я встречаю весну в степи. Специально в выходной вышел на Зею посмотреть знакомые места, пока совсем не растаял лед.

Еще недавно здесь царила зима, которая, казалось, все сравнивала, причесала под одну гребенку, окрасила одним цветом, застудила, остановила живую кровь растений, продула все насквозь, оголила веточки, прижала к земле травы. Теперь потихоньку все распрямляется, поднимает голову, оживает, наполняется соком, обретает свой цвет, свои черты и черточки, неумоимо и доб-

росовестно готовится к простому и великому деянию ежегодного обновления.

Весна и обновление... Кажется, вчера еще неживым был вот этот обдуваемый всеми ветрами увальчик, а сегодня — поди ж ты! Травка проклюнулась и целится прямехонько в зенит, где плывет легкое перистое облачко — предвестник скорого лета. И как это у нее, у травки, получается? Как смогла она, такая махонькая и нежная, столько невзгод пересилить? Ползет какой-то жучок. Отогрелся, ожил. Муравьишка-трудяга уже торопится по своим делам — успевать надо, тепло пришло. Жаворонок всплеснулся в небо, словно его сама земля выдохнула, и зазвенел там маленькими серебряными бубенцами, приветствуя все живое. Еще полусонный, угрюмый после зимовки шмель загудел над припеком, разминая слежавшиеся крылья. Суслик высунулся из норы, стал колышком и, как бы приходя в себя, осматривается, прислушивается, прикидывает, с чего начать очередную страду. А вот и покрупнее живность. Две щеголеватые дрофы, разбежавшись на длинных ногах-ходулях, соскользнули с пригорка и плывут в теплом весеннем мареве, постепенно растворяясь в нем и теряя очертания. Вот озеро. Посередине еще держится ноздреватое ледяное поле, а по краям ветерок уже рябит талую, засиненную небом воду. Белокрылый, грудастый лунь парит над прошлогодними сухими камышами. Стайка чирков, словно отрикошетившая дробь, порскнула с залива и, едва не касаясь воды, пролетела в другой угол...

Зачем все это? Какое имеет значение и назначение? Об этом можно говорить бесконечно много, а можно ответить коротко: все правомерно, все в конечном счете полезно и необходимо. Каждая тварь, каждая травка свой путь прошли, и он — путь этот — обозначен многими миллионами лет и пройден в постоянной борьбе, в неустанном самоусовершенствовании. Не все выжило, не все сохранилось. Но все, что было, — и жизнью, и борьбой, и даже гибелью своей помогало утвердиться тому, что ныне существует.

Весна и чудо обновления... И что там ни придумывай на этот счет, а нет ничего гениальней того, что изобрела природа, обессмертив тем и себя и высшее свое творение — человека.

Весна. Земля. Степь. Страдная пора посева. Посев — это тоже обновление — обновление хлеба. Только здесь

уже разумное обновление, ибо делает это сам человек в содружестве с землей и солнцем. Теперь человек дено и ночью в поле. Он тоже, как тот трудяга муравей, хлопочет и успевает. Одна смена, вторая, третья... Раньше вряд ли пахали круглосуточно. Живая сила лошади требовала отдыха. Ныне пашут. Железные кони дюжат. Мотор в ночной прохладе работает даже лучше и звучит как-то мягче и уютней, словно испокон веков рокотал он над степным простором.

Если посмотреть с какого-нибудь увала в ночную степь, откроется красивая, даже немножко фантастическая картина. Там и тут широко и округло сияют глазищи фар, а от них, разрезая темноту на квадраты, треугольники и полосы, тянутся как бы туннели и коридоры лунного голубоватого света. Хочется идти, бежать по таким коридорам, пока они еще не погасли. Недаром же поступают так не только ночные бабочки, но и зайчишки, еноты, лисы.

Ночная степь пахнет по-особому. Вместе с обычными запахами оттаявшей земли и травяных кореньев есть в ней могучий, неистребимый бражный запах, который был как бы до поры до времени закупорен и вот теперь из-под плуга широко выходит наружу. То проснулась и задышала земля. Степь вздрагивает, бродит вешними соками, отряхивает последнюю дрему, из края в край полнится далеким и близким рокотом моторов.

Земля и человек на ней... Чем лучше он научится понимать ее, чем ближе к сердцу воспримет душу и влад с ее законами и свойствами будет хлеборобское дело вершить, тем щедрей воздастся ему.

Перед восходом солнца над весенней степью лежит сиреневая парная и томительная роздымь-пелена. Не одеяло ли это, которым земля прикрывает нежные первые ростки и всходы, когда ночи еще холодны, а погода неустойчива?

Когда взойдет и распалится солнце, над степью заploщется косматое, бесцветное марево. Весь день будут гудеть тракторы, звенеть бубенцы жаворонков, хлопотать и гомонить гуси да утки, перетягиваясь с лимана на лиман, с озера на озеро, с пашни на реку, а с реки на пашню. Весь день будет что-то отогреваться, проклевываться, подниматься, выправляться, крепнуть, хлопотать, устраиваться. Весна!